

УДК 130.21

**СИМВОЛИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ БИОГРАФИИ ЧАЙТАНЬИ В
БЕНГАЛЬСКОМ ВИШНУИЗМЕ**

Тимощук А.С.

*Владимирский юридический институт ФСИИ России
E-mail: human@vui.vladinfo.ru*

Мифотворчество, гипостазирование, теофания, теологическое конструирование – статья предлагает герменевтический анализ на сходство до степени смешения технологий генезиса культа Чайтаньи в Западной Бенгалии, основателя Гаудия вайшнавизма (бенгальского вишнуизма). Эстетическая рефлексия Чайтаньи и динамика его движения концептуализированы как лента кайросов, пробегающих перед глазами созерцающего. Название статьи воспроизводит место рождения Чайтаньи в Бенгалии, центр распространения новой религии (Навадвипа), эмоциональный напор учения бхакти (бхава) и волнообразную динамику развития движения Чайтаньи (таранга). В контексте западной философии процесс эмерджентного становления бенгальского вишнуизма терминован как мифопоэзис или такая установка конституирования, которая позволяет адаптировать учение к социокультурному набору форм, акторов, институтов. Визуальная культура современности требует открытости, явленности процессов и состояний. Пространственно-временная перспектива культа Чайтаньи предстаёт как череда преобразований, заменяющих незавершённость и поэтичность институализацией и формой. Эстетическое видение, предлагаемое Чайтаньей преобразуется во времени в особый интеллектуально-рефлексивный жанр профанизованного паноптикума.

Ключевые слова: Чайтанья, Нимай, Махапрабху, эстетика Гаудия, бхакти-марг, сахаджа, метафизика театра, лента времени, феноменология религии.

Введение. Научный форум «Миф в истории, политике, культуре» в г. Севастополь вырос в центральную научную площадку по критическому анализу мифотворчества. Антропология, лингвистика, социология мифа – это те направления, которые позволяют продуктивно анализировать ценностно-смысловую гетерогенетику общества, созидание и негоциацию жизненных структур, поддерживающих устойчивость локальных и глобальных социальных систем. Тема мифологизации культуры раскрывает вопросы сознания, истины, нормы, ритуала в сложном саморазвивающемся знаково-символическом контексте, концептуализированном как онтопоэзис, автопоэзис, семиозис, медиатизация [1].

Постановка проблемы и методология. Теоретическое состояние проблемы заключается в лакуне идиографического описания генезиса нового религиозного движения, которым предстаёт бенгальский вишнуизм. Структурный, системный,

Символическое конструирование биографии Чайтаньи в бенгальском вишнуизме

компаративистский, факторный и феноменологический виды анализа составляют основу методологии. При этом антропология мифа понимается как производство символической Вселенной, духовная генерация ценностно-смысловой системы, позволяющая субъектам функционировать в антагонистическом мире [2]. Поэтому текст порой производит впечатление метафорического, мифопоэтического. Автор исходит из установки, что миф является не только основой магических религий, но и сохраняет своё доминирующее значение в институализированных религиях, в частности, Гаудия вайшнавизме.

Практическое состояние проблемы заключается во взаимопроникающих аспектах социального сектанства, существующего как мифологический автопоэзис: позиционирование в российском обществе, взаимодействие с национальной культурой, психологическое здоровье граждан. Феноменология мифа традиции призвана снять конфликтность между саморепрезентацией и социальной перцепцией.

Цель и задачи статьи. Статья посвящена генезису символического пространства Гаудия вайшнавизма (бенгальского вишнуизма), основателю которого, Чайтанье, исполняется 535 лет в 2021 г. В глобальных трендах деколонизации, ремифологизации и ориентализма культ бенгальского мистика только набирает последователей. Чайтанья, через практику нагара-киртана, совместного воспевания религиозных гимнов (мантр), соединяет практику внутренней работы с социальным присутствием, закладывая далеко идущие механизмы медиатизации религии. Духовная эмоция (бхава) интегрируется с социальным действием, что позднее на Западе даст эффект демонстративной религии, когда уличная санкиртана – это визитная карточка мегаполисов.

В статье ставятся следующие исследовательские задачи:

- представить генезис движения бхакти Чайтаньи в контексте символической нарративизации реальности, связывающей ведическое прошлое с новым миром интеркультурного автопоэзиса;
- определить значение нарративов смерти Чайтаньи;
- продемонстрировать роль эстетического в мифологизации реальности.

Результаты и обсуждение. Сто лет назад, когда бенгальский учёный Рай Бахадур Динеш Чандра Сен говорил о значении Махапрабху, он признавал, что его учение не получит универсального признания в материалистическую эпоху, однако выразил надежду, что когда наступит духовное просветление, то миссия Чайтаньи будет полностью оценена, потому что бенгальский мистик принёс практику достижения высоких состояний сознания и сделал из запутанного, как волосы Шивы, индуизма ясную теологию бхакти [3, с. 9]. С высоты 535 лет мы, в особенности, отчётливо можем наблюдать, какую поступательную семиотическую эволюцию совершил Гаудия вайшнавизм от секты округа Надия в Бенгалии до претендента на эмерджентную мировую религию.

Индуизм находится в постоянном изменении, творческом процессе создания новых текстов, сохраняя при этом диалектику гражданственности и приватности, дискурсивности и антидискурсивности, гетеродоксии и ортопраксии. Гаудия вайшнавизм заимствовал эти структурные детерминанты, при этом открыл для себя широкий простор для социальной инклюзии в условиях глобализации [4]. Движущим фактором вишнунитского миссионерства стал биографический нарратив основателя учения Чайтаньи.

Магнетизм Чайтаньи опосредует генерацию всевозможных нарративов о его времени и судьбе. Биография выступает как идеологический конструкт и основание для конверсии. Только в конце XVI века было написано около двенадцати агиографий Гаудия, интерпретирующих историю Движения, раскрывающих теофанию священного в повседневности героя, созидающих мемориально-литургическую практику для последующих поколений последователей [5].

Исследователь Введенская Э.И. выделяет труд Кришнадаса Кавираджа Госвами «Чайтанья-чаритамрита» (ЧЧ), т.к. в нём доминирует концептуализация учения над «чаритой», деяниями, в отличие от работ Мурали Гупты, Лочана даса, Вриндавана даса и других агиографов Чайтаньи [6].

Все письменные источники о Чайтанье опирались на хроники (кадачи) Мурари Гупты, его близкого последователя, но стремились представить личность основателя религии для своих аудиторий, как когда-то это делали евангелисты. «Чайтанья мангала» Лочаны была призвана служить нарративом наподобие Махабхараты и Рамаяны, который можно было петь на разные раги в бенгальских деревнях. «Чайтанья бхагавата» Вриндавана даса – повествование, созданное внутри Нитьянанда вамши, особого ответвления последователей Чайтаньи. Кави Карнапур писал на ученом языке для образованной аудитории в стиле санскритской драмы.

Диверсификация памятования Чайтаньи – это характеристика разных родовых и ценностно-смысловых групп. Помимо Нитьянанда вамши, существует клан Адвайты, поддерживающий иные версии создания религии Гаудия и роли их основателя. В «Адвайта-мангале» Харичарана даса, «Балья-лила-сутре» Лаудия Кришнадаса и «Адвайта-пракаше» Ишаны Нагары поддерживается точка зрения божественности Адвайты и его определяющего влияния на последующую судьбу учения Гаудия. Адвайта Ачарья был примерно на пятьдесят лет старше движения, зародившегося в Бенгалии в XV веке. Он был ученым и очень уважаемым лидером мнений высшего общества. Адвайта содействовал пришествию Чайтаньи и своим статусом авторизовал новое движение [7].

В Бенгалии эпохи Чайтаньи такими вишнуитскими флагманами были Мадхавендра Пури, Адвайта, Ишвара Пури, Нитьянанда. Парадигма лидерства в религиозных организациях вырабатывается постепенно и обусловлена несколькими факторами, такими как функциональность главы общины, приближённость к сакральному, проповеднический дар, способность к медиации разнородных последователей.

Составленная на бенгали в середине XVI века, агиография Кришнадаса Кавираджа претендует на официальный статус, т.к. она охватывает весь временной период чайтанья-лилы и создаёт подобие объективности, будучи отстранённой от конкретной общины последователей Махапрабху. Вдобавок ЧЧ состоит на 7 % из санскритских шлок из более чем 50 источников, что делает её некоторым образцом средневекового «научного» текста, имеющего обширный отсылочный аппарат. Поэтому, исходя из наибольшего цитирования, можно выделить ядро источников, послуживших основой для формирования Гаудия вайшнавизма: Бхагавата пурана, Бхагавад гита, Падма пурана, Вишну пурана, Брахма-вайварта пурана, Курма пурана и др.

Символическое конструирование биографии Чайтаньи в бенгальском вишнуизме

Помимо известных текстов, ЧЧ насыщена новой теологией. Постоянное цитирование только созданных источников, написанных последователями Чайтаньи, делает из движения бхакти настоящую НРД: Бхакти-расамрита-синдху, Видагдха-Мадхава, Лалита-Мадхава, Говинда-лиламрита, Чайтанья-Чандрода-натака, Хари-бхакти-вилас, Падьявали и др. В ЧЧ происходит также фундирование нового источника, который позиционируется как вновь обретенный, найденный Чайтаньей в Южной Индии, – Брахма-самхита (БС). Теология Брахма-самхиты оказывается столь конгруэнтной новому учению, что 20 раз цитируется в ЧЧ, а это свидетельствует о распространении и одобрении данного нового текста. Любопытно, что использование эзотерических символов в БС (тысячелестковый лотос, шестиугольная янтра, линга-йони, кама биджа) вносит необычную тему перекрёстного опыления текстов и практик вайшнавизма и тантризма [8, с. 55-56].

Существенно, что не все цитируемые стихи из старых, «авторитетных» источников сегодня можно идентифицировать, что говорит о пролиферации разных списков, а также об утрате ряда текстов, связанных с определёнными сектами. Когда формируются новые ключевые тексты, старые теряют свою мнемоническую релевантность и перестают так охраняться и передаваться как прежде, их место занимают новые тексты, а к старым остаются лишь отсылки.

100 лет потребовалось вайшавизму, чтобы институализировать официальную биографию (агиографию) Махапрабху. Произошла сборка / сверка / критический отбор разных фиксаций многоликого образа мистика. Движение стало перерастать эмоциональную близость группы родственных по духу первых последователей. Чайтанья мангала Лочана даса оказалась слишком домашней, а Чайтанья бхагавата Вриндавана даса – слишком субъективной, т.к. главным образом, описывает деяния Чайтаньи в Бенгалии, а это только половина его жизни.

Кришнадас Кавирадж представляет официальную версию жития Чайтаньи, поскольку он сам является последователем шести госвами, обосновавших пуританский вайшнавизм [9, с. 15]. Госвами выделялись в вайшнавской общине своим происхождением, образованием, близостью к Чайтанье и особой миссией, которую они получили от него. Их книги, храмы и открытые места паломничества создали для Госвами уникальный статус теологов и авторитетов Гаудия. Рупа, Санатана, Джива, Рагхунатха, Гопал Бхатта, Рагхунатха Бхатта – за этими патриархами закрепился термин «шад-госвами» или шесть госвами. Это родоначальники теологии Гаудия, которую они генерировали из собственного духовного опыта и компилировали из более ранних драматургических и теологических работ. Рупа Госвами – центральная фигура среди шести генералов бхакти-марга, т.к. стержневая эстетическая концепция в теологии Гаудия (раса таттва) создана именно им [10]. Поэтому родовая принадлежность любого бхакты в бенгальском вишнуизме – это «рупануга», т.е. последователь Рупы, а его вайшнавская практика – это «рупануга-дхарма».

По мере институализации, интимность доверительных отношений близкого круга единомышленников заменялась на более формализованные структуры и описания. ЧЧ – это официальная интронизация Чайтаньи на престол Всевышнего. Если ранние агиографии говорят намёками и метафорами, здесь имеет место публичный вишнуитский текст.

Своеобразной теологической сверкой стал сюжет смерти Чайтаньи. Игнорирование этой темы или, наоборот, выдвижение некоторой версии («вошёл в тело Божества», «растворился в океане», «умер от инфекции стопы», «внезапная смерть от эпилепсии») стал маркером принадлежности к той или иной релевантной группе [11].

Расхождения в описании ухода Махапрабху или игнорирование этого сюжета в произведении свидетельствует о конфликте концептуализаций внутри общины, а также об интеллектуальной свободе среди последователей. Кришнадас Кавирадж, представляя теологический мейнстрим, подводит к сюжету ухода очень деликатно. Последние главы Антья-лилы его произведения полны грусти и тревоги. Близкий круг помощников Чайтаньи не отходит от него, боясь оставить одного, как тяжелого пациента. Чайтанья то убегает к океану, пропадает и его вылавливает сетью рыбаки; то он ночью ранит себя о стены, пытаясь выйти из комнаты. Мистик агонизирует в своей разлуке с Кришной, принимая своих друзей за гопи. Он тяжело болен любовью к Кришне и ничто не может его успокоить. Вдобавок Адвайта делает намёки, что «Божество пора отзываться обратно». Чайтанья говорит об этом саркастически, вызывая тревогу у своего окружения. Сварупа Дамодар и Рамананда Рая изобретают всё новые и новые способы, как поддержать своего пациента в нормальном сознании, чтобы Чайтанья не навредил себе. Молчание об уходе Чайтаньи символично и художественно – Бог не может умереть, он является при определённых теологических обстоятельствах и восходит на небеса в атмосфере тайны.

Вриндавана дас («Чайтанья бхагавата»), первый ранний крупный текст, опускает детали ухода Чайтаньи, ограничиваясь общей фразой, что Бог приходит и уходит из этого мира. Лочан дас («Чайтанья мангала») также не касается вопроса о смерти Чайтаньи.

Таким образом, все первые источники обходят стороной вопрос тиробхавы (ухода). Некоторая информация появляется более поздних текстах. Джаянанда («Чайтанья мангала») указывает, что Чайтанья повредил ногу во время фестиваля Ратха-ятры и умер от сепсиса в храме Тота Гопинатха.

Вайшнава даса («Шри Чайтанья Гоуранго Чадка») высказывает версию, что мёртвое тело мистика было найдено за Гаруда стамбхой в храме Джаганнатха, а похоронено оно было в храме Тота Гопинатха. Этот храм был основан Чайтаньей и настолько ему, что он вверил его своему сподвижнику из Бенгалии Гададхаре. Служители Тота Гопинатха поддерживают версию ухода Чайтаньи, связанную с вхождением в тело Божества.

Ишвара дас («Чайтанья бхагават») высказывает комплексную трактовку, что сознание Чайтаньи слилось с чанданой, которую тот наносил на Джаганнатха, а его тело было перенесено и спущено на воду по реке Прачи, что примерно 60 километров от Пури.

Говинда дас («Шри Чайтанья Чадка») сообщает, что во время вечернего богослужения в храме Джаганнатха внезапно из Гаруда стамбхи, где обычно стоял Чайтанья в храме, изошёл яркий свет и слился с мурти Джаганнатхи.

Конспирологическая версия исходит из того значения, которое для Чайтаньи и его последователей имел храм Джаганнатхи, политика которого отличалась от Гаудия

Символическое конструирование биографии Чайтаньи в бенгальском вишнуизме

вайшнавизма и служителям которого не нужен был ни конфликт, ни появление сомнительного места паломничества для новой религии. Чайтанья умер в храме и его служители, опасаясь неблагоприятных социальных последствий или конфликта с последователем Чайтаньи царём Пратапарудрой, захоронили тело тайно и объявили, что Чайтанья слился с Джаганнатхой [3, с. 264].

Таким образом, противоречащие друг другу повествования о Чайтаньи, вдохновившего вайшнавское движение Бенгалии, дают представление о том, как члены общины верующих раскрывают историческую информацию о себе и о том, как они думают. Доминирующий дискурс близких последователей Чайтаньи из Бенгалии, Ориссы и Вриндавана, заключается в том, что неправильно говорить о смерти Чайтаньи, потому что он – Кришна, сваям бхагаван (сам Бог), который только спускается на землю и возносится обратно на небеса. Первые агиографы (Мурари, Лочан, Вриндаван) подчеркивают это, отказываясь говорить о событии, давая понять, что оно не имеет сотериологического значения. Однако более поздние жития других авторов предлагают альтернативы: Чайтанья исчезает в храме Джаганнатхи, в храме Гопинатхи, в водах моря, или он умирает от инфекции стопы и др. Несмотря на очевидные различия, повествования следуют определенному образцу описания: уход – это религиозное действие, символы разделения и соединения. Хотя описания тиробхавы Чайтаньи несколько нарушают представление о его божественности и богословски неортодоксальны, они сохраняют флёр таинственности и всё равно находятся в плоскости религиозного мышления.

Выводы. Мифопоэтичность образа Чайтаньи заключается в том, что у нас сохранился в большей степени визуальный образ танцующего мистика. Известно, что он устраивал дебаты в Сарвабхаумой в Пури, давал наставления Санатане и Рупе Госвами, вёл беседу с Рамананда Раем, но мы не знаем, чтобы он в поздний период проводил публичные лекции или выступал проповедником. Круг Чайтаньи – это его друзья и последователи из Бенгалии, жившие с ним и приходившие в Пури из Бенгалии каждый год на Ратха-ятру. Чайтанья в Пури – это жизнь в медитации, публичное молчание на фоне экстатических практик пения и танца в процессии колесницы Джаганнатхи.

Инклюзия Чайтанья – это практика общения, массового киртана, разделения трапезы с неприкасаемыми. Он не читал лекции на тему преодоления кастовых предрассудков и не боролся с храмовыми запретами, не позволявшим его ученикам посещать храм Джаганнатхи.

Вайшнавизм Чайтаньи представлял индуистскую альтернативу бенгальскому исламу, распространявшегося среди низкорождённых. Социальная инклюзия Махапрабху не знала ни верхних ни низших границ, т.к. не настраивала париев против брахманов. Происходило братание классов вокруг божественной любви (према); вселенская эмансипация дживы, которая через садхану достигает изменённого состояния Божества – высочайшая возможная трансформация.

Говоря о конструировании культа Чайтаньи и превращения его в целое направление бенгальского вишнуизма, нельзя не отметить, что Махапрабху стал иконой нового движения не на пустом месте. Объективные предпосылки к вайшнавской самоорганизации в Бенгалии существовали в связи с социальной дифференциацией, которую должны были осуществить индусы во взаимодействии с радикальным Другим в

виде ислама. Чайтанья возглавляет общину, где были несколько лидеров мнений, таких как Адвайта, Нитьянанда, Шривас, Гададхар и связывал идиосинкразию умонастроений, амбиций и целей растущего движения бхакти. Отдельные сюжеты несводимости образов преданности и индивидуальных стилей проповеди можно увидеть в сглаженных конфликтах ортодокса Адвайты и безумного Нитьянанда.

Махапрабху примирял разнородных последователей, был естественным лидером, при этом не известно, чтобы он заботился о создании матха или религиозной организации. Он не писал религиозных трудов, не был теологом, но воздействовал так на своё окружение, что они делали всё, что необходимо для создания обновлённого вайшнавизма с новыми книгами, новой теологией Радха-бхавы, новыми храмами и новыми местами паломничества.

В некотором смысле, Чайтанья не изобретал ничего нового: киртаны, паломничества, ритуальная еда, аскетизм, поклонение Кришне, эзотерическое учение о роли шакти, – всё это было и до Махапрабху, но в разрозненном состоянии. Он актуализирует, собирает, направляет новое духовное движение своим вдохновением (бхава) и эстетическим отношением (раса) [12, с. 36-37, 82].

Пение мантры на определённый мотив (рага) придает мощный динамизм и насыщенность инициативам зарождающейся религии. Нимаи пандит, ранее скептик и логик, критиковавший вайшнавов, после его обращения в Гаю, приходит в изменённое состояние сознания: он льёт слёзы, повторяя имена Кришны, бежит как сумасшедший по улицам Навадвипы с именами Кришны и пристаёт к вайшнавам, которые из эмпатии поддерживают уличные инициативы Нимаи, жертвуя своей репутацией. Сама социальная практика санкиртаны рождается из духа мелоса Махапрабху [13].

Мифопоэтика Чайтаньи – это доминанта звука над образом. Движение на экране сознания изображений проецируется трансцендентным звучанием. Вместо музыкального сопровождения звук получает значение определяющего визуализатора духовного опыта. Ассоциативная нагрузка памятования (смаранам) достраивает звукозрительную концепцию Махапрабху, развитую из лирической поэзии Джаядева, Билвамангала, Чандидаса и Видьяпати. Слуховое восприятие расика поэзии определяет конструирование визуальной формы, а лейтмотив мантры определяет сюжетные повороты эстетической драмы воображаемых героя и героини Чайтаньи – встреча, разлука, ревность, удивление.

Мифопоэтика Гаудия имеет и другие аспекты. Религия олицетворяет мечты человечества о доступном счастье. Чайтанья, как и другие создатели мировых религий, Будда, Иисус, Мухаммад, даёт надежду на счастье здесь и сейчас.

Обращаясь к конституированию образа Чайтаньи, мы получили больше мифопоэтический ответ, чем позитивистки-научный. Мифотворчество Гаудия проходит в сложном культурном контексте религиозного, политического и социокультурного вызова. Поэтому в статье анализ проводится комплексными методами, с использованием эстетического, антропологического, культурологического, герменевтического подходов. Макдональдизация традиции есть неизбежный тренд общества потребления с его культурой вуайеризма, урбанизацией, омассовлением элитарного и клиповым мышлением. Экспериментальный эстетический проект Чайтаньи, пропущенный через механический аппарат институализации, а, затем, через американизацию традиции, т.е. её

Символическое конструирование биографии Чайтаньи в бенгальском вишнуизме

колониальный захват и репродукцию, воспроизводя масштабное эстетическое превращение, – от театрального символизма к маркетинговому пост-концептуализму.

Список литературы

1. Ставицкий А.В. Понятие «мифопоэтика» в свете рассмотрения мифа как культурной универсалии / А.В. Ставицкий // *Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции.* – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. – С. 146-153.
2. Романова К.С. Антропология мифа / К.С. Романова // *Дискурс Пи.* – 2006. – № 6. С. 56-58.
3. Sen R. Chaitanya and His Age: Ramtanu Lahiri Fellowship Lect. for the year 1919 and 1921 / R.B.D.C. Sen. – University of Calcutta, 1922. – 425 p.
4. Тимощук А.С. Вайшнавизм: стратегии конструирования и концептуализации / А.С. Тимощук // *Народы и религии Евразии.* – 2018. – № 1 (14). – С. 72-80.
5. Филькин К.Н. Бенгальские агиографии как письменные источники по истории доколониальной Индии / К.Н. Филькин // *Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной молодежной научной конференции (Томск, 08–10 апреля 2015 г.) / науч. ред. А.Н. Сорокин.* – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. – Вып. 11 : в 2 т. – Т. 1. – С. 406-409.
6. Введенская Э.И. Диалог рукописей в драматургии агиографии: цитирование произведений Рупы Госвами в тексте Чайтанья-Чаритамриты Кришнадаса Кавираджа Госвами / Э.И. Введенская // *Труды Института востоковедения РАН.* 2020. № 28. С. 35-50.
7. Manring R. The Fading Light of Advaita Acarya: Three Hagiographies. / R. Manring – Oxford University Press, 2011. – 312 p.
8. Dimock E. The Place of the Hidden Moon: Erotic Mysticism in the Vaisnava-Sahajiya Cult of Bengal / E. Dimock, G. Flood. – Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – 299 p.
9. Choudhury A.R. The position of Chaitanya in Bengal Vaishnavism / A.R. Choudhury // *Ensemble.* – 2019. – Vol. 1. No. 1. – P. 14-22.
10. Тимощук А.С. Эстетизация бенгальского вишнуизма в литературе Рупы Госвами / А.С. Тимощук // *Orientalistica.* – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 289-302.
11. Stewart T.K. When Biographical Narratives Disagree: the Death of Krsna Caitanya / T.K. Stewart // *Numen.* – 1991. – Vol. XXXVIII. – Fasc. 2. – Pp. 231-260.
12. Тимощук А.С. Эстетика ведийской культуры: Монография. ВЮИ Минюста России. – Владимир, 2003. – 112 с.
13. Сокол В.Б. Феноменология музыкального мышления // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates.* – 2014. – № 10. – С. 93-101.

A.S. Timoshchuk

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
ANTHROPOLOGY OF THE MYTH OF BENGAL VISHNUISM

The article analyzes the key value-semantic moments of the genesis of the Caitanya cult in West Bengal, as well as the philosophical forms of Gaudiya theology. The aesthetic reflection of Caitanya and the dynamics of his movement are conceptualized as a ribbon of kairos running before the eyes of the beholder. The title of the article reproduces the birthplace of Chaitanya in Bengal, the center for the spread of the new religion (Nabadwip), the emotional thrust of the teachings of bhakti (bhava) and the undulating dynamics of the development of the Chaitanya movement (taranga). In the context of Western philosophy, the process of emergent formation of Bengali Vaishnavism is terminated as a cinema of time or such a visual attitude of the observer, which allows one to make a broad overview of forms, contents, actors, institutions. The visual culture of our time requires openness, manifestation of processes and states. The space-time perspective of the Caitanya cult appears as a series of transformations replacing incompleteness and poetry with institutionalization and form. The aesthetic vision offered by Caitanya is transformed in time into a special intellectual-reflective genre of profane panopticon.

Key words: Caitanya, Nimay, Mahaprabhu, Gaudiya aesthetics, bhakti-marg, sahaja, theater metaphysics, time tape, phenomenology of religion.

Тимощук Алексей Станиславович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир (Россия). Адрес для контактов: human@vui.vladinfo.ru.

Timoshchuk Alexey Stanislavovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir (Russia). Contact address: human@vui.vladinfo.ru.

References

1, Vvedenskaya E.I. Dialog rukopisey v dramaturgii agiografii: tsitirovaniye proizvedeniy Rupy Gosvami v tekste Chaytan'ya-Charitamrity Krishnadasa Kaviradzha Gosvami [Dialogue of manuscripts in the dramaturgy of hagiography: citing the works of Rupa Goswami in the text of Chaitanya-Charitamrita Krishnadas Kaviraj Goswami] // Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. 2020. № 28. S. 35-50..

Sokol V.B. Fenomenologiya muzykal'nogo myshleniya [Phenomenology of Musical Thinking] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tyumen State University]. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates. 2014. № 10. S. 93-101.

Timoshchuk A.S. Vayshnavizm: strategii konstruirovaniya i kontseptualizatsii [Vaishnavism: Strategies for Design and Conceptualization]// Narody i religii Yevrazii [Nations and religions of Eurasia]. 2018. № 1. S. 72-80.

Timoshchuk A.S. Estetika vediyskoy kul'tury [Aesthetics of Vedic culture]. VUI Minyusta Rossii. Vladimir, 2003. 112 s.

Fil'kin K.N. Bengal'skiye agiografii kak pis'mennyye istochniki po istorii dokolonial'noy Indii [Bengali hagiographies as written sources on the history of pre-colonial India] // Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya : sbornik materialov XI Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii [Questions of history, international

Символическое конструирование биографии Чайтаньи в бенгальском вишнуизме

relations and records management: collection of materials of the XI International Youth Scientific Conference]. Tomsk : Izdatel'skiy Dom TGU, 2015. Vyp. 11 : v 2 t. T. 1. S. 406-409.

Choudhury A.R. The position of Chaitanya in Bengal Vaishnavism//Ensemble. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 14-22.

Dimock E., Flood G. The Place of the Hidden Moon: Erotic Mysticism in the Vaisnava-Sahajiya Cult of Bengal. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 299 p.

Manring R. The Fading Light of Advaita Acarya: Three Hagiographies. Oxford University Press, 2011. 312 p.

Sen R.B.D.C. Chaitanya and His Age: Ramtanu Lahiri Fellowship Lectures for the year 1919 and 1921. University of Calcutta, 1922. 425 p.

Stewart T.K. When Biographical Narratives Disagree: the Death of Krsna Caitanya // Numen. 1991. Vol. XXXVIII. Fasc. 2. Pp. 231-260.